

II. Русские европейцы (2)

Владимир Кантор

Философия В.С. Соловьева как камертон миропонимания С.Л. Франка

Владимир Соловьев был для Франка точкой отсчета русского философствования. Он писал: «Прежде всего, (...) надлежит отметить, что Соловьев есть в истории русской мысли первый – и доселе самый выдающийся – самостоятельный русский философ, первое явление русского философского гения. До него русская мысль, хотя и обнаруживала напряженный интерес к философии, но в смысле оригинального творчества не шла дальше неосуществленных замыслов и незавершенных набросков»¹. Не раз исследователи творчества Франка отмечали, что соловьевская идея всеединства была не просто прочитана Франком, но философски актуализирована им. Скажем, Зеньковский полагал, что именно развитие этой идеи и сделало в конечном счете Франка подлинным выразителем русской мысли: «Литературное дарование Франка делает его анализы и рассуждения прямо мастерскими – так все ясно, надлежаще и удачно сказано у него. Но рядом с этим стоит и нисколько не уступает глубина его философского усмотрения – ум его, синтетический по существу, оплодотворяется той метафизикой всеединства, которую Франк развивает в своих произведениях, – всегда оригинально и глубоко. По силе философского зрения Франка без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, – не только среди близких ему по идеям»².

Как сам Франк говорил, к Николаю Кузанскому, которого считают его крестным отцом, он подошел, уже имея твердый фундамент философского осознания мира, воспринятого им от Соловьева. Учение о Богочеловечестве Соловьева казалось ему объясняющим современность более, нежели это делали и делают западные мыслители.

Известно, что Франк в полемике с Ницше высказал идею об аристократической сущности человека: «Вопреки всем распространенным и в христианских, и в антихристианских кругах представлениям, благая весть возвещала не ничтожество и слабость человека, а его вечное аристократическое достоинство.

¹ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 392.

² Зеньковский В.В. История русской философии. Том II. Часть 2. Л., 1991. С. 158.

Это достоинство человека – и при том всякого человека в первооснове его сущности (вследствие чего этот аристократизм и становится основанием – и при том единственным правомерным основанием – "демократии", т.е. всеобщности высшего достоинства человека, прирожденных прав всех людей) – определено его родством с Богом (...) Вся мораль христианства вытекает из этого нового аристократического самосознания человека; она несть, как думал Ницше, (введенный в заблуждение историческим искажением христианской веры), "мораль рабов", "восстание рабов в морали"; она вся целиком опирается, напротив, с одной стороны на аристократический принцип *noblesse oblige*, и, с другой стороны, на напряженное чувство святости человека, как существа, имеющего богочеловеческую основу»³. Но стоит отметить, даже подчеркнуть, что основу этого миропонимания Франк получил от Соловьева, и сам это признавал: «В учении о Богочеловечестве Соловьев первый в истории христианской мысли дает принципиальное, религиозно-догматическое обоснование тому, что можно назвать христианским гуманизмом. Христово откровение есть для него не только новое откровение о Боге, но и *откровение о человеке* – и эти два откровения суть лишь две нераздельные стороны полноты христианской правды. Соловьев указывает, что все права человека имеют своим единственным основанием дарованную верующим во Христа «власть быть чадами Божьими» (Ев. Иоанн. 1, 12). Богочеловечность Иисуса Христа есть источник потенциальной богочеловечности человека. Торжество правды и силы Бога в явлении Богочеловека Иисуса Христа есть зачаток и залог реального преодоления всяческой поработченности и униженности человека. И это есть не просто догмат пассивной веры, а цель вселенской творческой активности человека»⁴.

Сегодня и Соловьев, и Франк признанные на Западе корифеи русской мысли. Так было далеко не всегда. Не говорю уж, что в годы нацизма одним из пунктов доноса на Степуна в 1937 году стояло, что он является председателем общества Владимира Соловьева. Освоение соловьевского наследия всерьез началось после войны с Лудольфа Мюллера (слушавшего в Мюнхене Степуна, считавшего, как и Франк, Соловьева вершиной русской мысли). И все же Соловьев воспринимался Западом менее охотно, нежели славянофильские русские мыслители, в которых (забывая об их немецко-романтическом, шеллингианском истоке) видели специфику русской духовности. Все же Соловьева начали переводить и издавать под патронажем (позволю себе это непривычное в философии слова) профессора Мюллера. С изданием Франка дело обстояло гораздо хуже. Даже немецкие слависты после войны охотнее занимались идейным противником Франка Владимиром Эрном, нежели русским европейцем Франком (об этом можно найти в переписке Степуна). Буббайер называет Франка русским европейцем. Справедливо.

³ Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. УМКА-PRESS. Париж. С. 124-125.

⁴ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 395.

Но он был не одинок. Особая стилистика русских европейцев (среди эмигрантов это Степун, Федотов, Франк) заключалась в том, по словам Генриха Штамллера, что прилагательное по значимости равнялось существительному, определяющее определяемому. Разумеется, русскими европейцами можно назвать Пушкина, Чаадаева, они сами так себя называли. Но не надо забывать, что отрефлектировал это понятие именно Владимир Соловьев. В его «Трех разговорах» один из персонажей (Политик) рассуждает следующим образом: «Что такое *русские* – в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну, а к какому же существительному это прилагательное относится? (...) Настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*. Мы – *русские европейцы*, как есть европейцы английские, французские, немецкие. (...) Сначала были только греческие, потом римские европейцы, затем явились всякие другие, сначала на западе, потом и на востоке, явились русские европейцы, там за океаном – европейцы американские, теперь должны появиться турецкие, персидские, индийские, японские, даже, может быть, китайские. Европеец это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом»⁵. Соловьев далее показывает, что оптимистическая вера Политика в прогресс проблематична, что прежде случится мировая катастрофа, пришествие антихриста, но в апокалиптическую эпоху противостояния антихристу сольются, наконец, три конфессии – католицизм, протестантизм и православие – в единое и могучее христианство. По Соловьеву, быть русским европейцем, не приняв всей глубины христианской религии, невозможно. Чтоб Европа стала неким целым, а Россия законной частью Европы, необходимо единение ее ныне разорванной идеологической основы – христианства.

Именно после произошедшей апокалиптической катастрофы двух революций – большевистской и нацистской – тема надконфессионального христианства звучала в трудах русских мыслителей – русских европейцев. Франк подтверждает собственный христианский универсализм. Он в первую очередь христианин, а уже потом – православный. В 1945 г. он писал сыну Виктору: «При моем обращении в православие мне очень помогло то, что с детских лет, несмотря на еврейское воспитание, я свылся с звоном колоколов, видом церквей, русскими праздниками и т.д., и тем не менее это обращение, теперь могу сказать, по настоящему не удалось. У меня отношение к православию иное, чем, напр., у мамы. После бурного увлечения церковной верой я теперь... нахожу... духовную почву только в сознании, что я "христианин", член вселенской христовой церкви, а... никакого отдельного исповедания; кое-что очень ценное в православии, непонятное европейцам, мне очень близко и дорого, но в принципе я могу только сказать, что я *и* православный, *и* католик, *и* протестант, и никто из всего этого в отдельности и замкнутости»⁶. Эти слова особенно интересны, ибо свидетельст-

⁵ Соловьев В.С. Три разговора // Он же. Собр. соч. Второе издание. В 10-ти т. Т. 10. СПб., С. 149-150. Курсив В.С. Соловьева.

⁶ Цит. по: Буббайер Филипп. С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877-1950. М., 2001. С. 221.

вуют о некоторых переменах в религиозных воззрениях Франка. Раньше, по его словам, он был православным, увлеченным церковной верой, но теперь это уже не так. Подобная перемена, возможно, связана с опытом изгнания. Быть эмигрантом, замечал Франк, значит понимать, что нигде в мире у тебя никогда не будет настоящего дома. В любом случае можно сказать, что наиболее уверенно христианский универсализм Франка проявился в 1940-е гг. Надо сказать, что русский национализм практически всегда отрицал христианский пафос Западной Европы. Хотя еще в девятнадцатом веке Достоевский в своих черновых тетрадях писал: «Вы скажете, что на Западе померк образ спасителя. Нет никогда я такой глупости не скажу». И это можно подтвердить многочисленными отсылками к работам западноевропейских духоводителей. Много цитировать не буду, сошлюсь на одного из влиятельнейших. Как писал Карл Ясперс (это точка зрения всей европейской историософии, с которой я согласен): «Для западного сознания ось истории – Христос»⁷. Это прекрасно понимал Франк.

И здесь тоже поддержкой и камертоном его воззрений был Владимир Соловьев. Надо сказать, что в эмиграции проснулся и национализм, в том числе в религиозном обличье. И Франк достаточно трезво оценивал эту ситуацию: «Психологически вполне естественно, что в русской эмиграции тоска по родине, любовь к утраченной родной православной культуре непроизвольно склоняет снова к славянофильскому смешению религиозного чувства с национальным и рискует затемнить и заслонить подлинное, именно сверхнационально-религиозное христианское сознание. Но, с другой стороны, мы живем в эпоху, когда объединение христианского мира, сознание его внутреннего единства перед лицом смертельной опасности от надвигающегося на мир царства антихриста становится вопросом жизни и смерти. Поэтому более, чем когда-либо следовало бы нам осознать спасительную правду принципиальной установки Соловьева. Со времени знаменитой речи Достоевского русский человек претендует быть "всечеловеком". Слишком часто это остается неоправданной пустой претензией. Но Соловьев был подлинным *всечеловеком* – потому что был подлинным христианином»⁸. Именно поэтому он едва ли не единственный выступил в защиту Георгия Федотова после его резкой статьи о соучастии народа в установлении сталинской диктатуры, где видел в деятельности Федотова продолжение соловьевской линии: «Ваша способность и готовность видеть и бесстрашно высказывать горькую правду в интересах духовного отрезвления и нравственного самоисправления есть редчайшая и драгоценнейшая черта Вашей мысли. Вы обрели этим право быть причисленным к очень небольшой группе подлинно честных, нравственно трезвых, независимо мыслящих русских умов, как Чаадаев, Герцен, Вл. Соловьев (я лично сюда присоединяю и Струве), знающих, что единственный путь спасения лежит через любовь к истине, как бы горька она ни была. Роковая судьба та-

⁷ Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 82.

⁸ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 397.

ких умов – вызывать против себя "возмущение", которое есть не что иное, как обида людей, которым напомнили об их грехах или приятные иллюзии которых разрушены. Такая реакция, конечно, не должна смущать Вас – это есть естественная судьба всех честных искателей правды, и в особенной мере русских, – ибо русские меньше, чем кто-либо, склонны уважать независимую мысль и склоняться перед правдой. Замечательно у русских, как склонность к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доселе сочетается с какой-то мистической национальной самовлюбленностью. Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно гибелен. "Славянофильство" есть в этом смысле органическое и, по-видимому, неизлечимое нравственное заболевание русского духа (особенно усилившееся в эмиграции)... Характерно, что Вл. Соловьев в своей борьбе с этой национальной самовлюбленностью не имел ни одного последователя⁹. Но последователи, как видим, были, в том числе и Франк.

Однако именно независимость русского европейца очень долго не давала западному самомнению услышать его голос. Хочу отметить, что именно Степун, другой русский европеец и последователь Владимира Соловьева, немало сил потратил на попытку издать Франка по-немецки.

Запад не желает принять Пушкина за то, что он *европеец*, что он с Западом – на равных, что «равным был неравный спор». Легче принять нечто чудесное. Как Россия искала на Западе «страну святых чудес», так точно Запад подобные чудеса нравственной и социальной гармонии, подлинной общинности или чистого христианства (скажем, Гакстгаузен или Рильке) думал найти в России. Пушкин этим упованиям не отвечал. Слишком он был реалист.

Примерно то же самое можно сказать и о Франке. Во всяком случае именно так объяснял Степун вдове философа уже в 1963 г. нежелание печатать его труды: «Должен не без грусти сообщить Вам, что доктор Вильд вернул мне обе книги Семена Людвиговича. Его оценка "Непостижимого" была очень высока, но бюджетные соображения не позволили ему все же принять книгу к изданию: нельзя будет продавать. Она по своей сущности чужда настоящему времени. Она в прошлом и, может быть, в будущем, но не в настоящем. В известном смысле это, быть может, верно. Потому что настоящее время чуждается спокойной, уверенной, долготерпеливой и по своему голосу ровной и тихой истины. Вот Бердяев кричит: утверждает, что Бог открылся миру, но что миром управляет черт. Утверждает, что образ Бога, как хранителя и устроителя мира неприемлемый социоморфизм, ведущий прямо к атеизму. Считает, что творчество в христианстве важнее послушания и даже требует бессмертия для своей кошки и за все это его печатают, потому что он не длительно-значительный, но сейчас остросовременный. Это все, конечно, мои слова, но все-таки, я думаю, что они правильно ин-

⁹ Письмо Франка Федотову. Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Box 1. Frank, Semen Ljudvigovich to Georgij Petrovich Fedotov. Письмо написано от руки.

терпретируют решение Вильда с благодарностью отказаться от печатания книг Семена Людвиговича. Я могу, конечно, посоветоваться еще кое с кем и попытаться обратиться в другое издательство, но начинаю терять оптимизм»¹⁰.

С издателем Вильдом по поводу Франка Степун вел весьма долгие переговоры. В 1952 г. он с грустью в очередной раз констатировал: «Издание "Непостижимого" (des «Unerkennbaren»)»¹¹ было бы для западноевропейской философии довольно значительным и явилось бы истинной заслугой издательства Кёзель. Мне очень жаль, что Вы не смогли решиться на эту публикацию»¹². Тем не менее усилий он не оставлял, поддерживая попытки своих эмигрантских приятелей и коллег напечатать Франка. Так, в 1963 г. он писал Д.И. Чижевскому: «Татьяна Сергеевна была осчастливлена Вашей готовностью издать "Предмет знания". Она все спрашивала меня: окончательно ли это решение. На всякий случай я сказал, что Вами решено окончательно, но что Вы все-таки зависите от людей, с которыми Вы до сих пор не считались, но как знать – не придется ли посчитаться?»¹³.

Однако Запад не видел тогда интереса в работах Франка. Причины этого я отчасти уже назвал. Он казался слишком западным, не экзотичным, а потому не интересным. К этому надо добавить не остывавшее в Германии советофильство. Опыт Советской России привлекал больше, чем ламентации мыслителя, работавшего, как казалось, в западноевропейской парадигме. Генрих Манн, не заметив сталинской тирании, в 1937 году написал, что «При всей своей реальности СССР для чужестранца представляется иногда сказкой»¹⁴. Именно сказки, чудес преобразования ждали от русских. Как вдруг Россия построила социализм, добилась в несколько лет того, о чем мечтал Запад несколько столетий!.. В статье 1930 г. в *Современных записках* Степун писал: «Гораздо хуже и прежде всего для нас, русских, гораздо оскорбительнее та третья форма немецкого советофильства, которую я назвал бы формой советофильства снобистического. (...) Величайшей же и преступной ошибки их отношения к России им не объяснишь; они не понимают, что нельзя со скуки интересоваться казнями, от европейского рационализма лечится подкожными впрыскиваниями русского безумия и, пребывая в атмосфере пока еще дрящегося европейского благополучия, рукоплескать героям-лицедеям мировой трагедии»¹⁵.

Конечно, такой несказочный философ как Франк был Западу неинтересен, даже безумия в нем незаметно, тем более русского варварства. Да к тому же от вар-

¹⁰ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.

¹¹ Под таким названием немецкий текст «Непостижимого» не известен.

¹² Universitätsbibliothek Eichstätt. NL. 46. I. S. 57.

¹³ Архив Гейдельбергского университета: Heid. Hs. 3881. 2. Stepun, F. (1946-1958). Репринтное издание этой книги (по первому изданию: Пг., 1915) вышло в Бельгии в 1971 г. с предисловием Д.И. Чижевского.

¹⁴ Манн Г. Велик образ СССР // Он же. В защиту культуры. Сборник статей. М., 1986. С. 84.

¹⁵ Степун Ф.А. Письмо из Германии (Формы немецкого советофильства) // Он же. Сочинения. М., 2000. С. 878.

варства бежал. А в Западной Европе такого быть не может. Поэтому так любопытны взрывы русского неистовства. Степун с яростью писал об этой черте западной культуры: «За китайскими пойдут японские, малайские, негрские и всякие иные, – лишь бы только не европейские пластинки, под экзотический стон, вой и щебет которых обязательно вспыхнет где-нибудь в углу глубокомысленный разговор, в котором доктор философии со ссылками на "христианского гностика" Бердяева будет доказывать, что винить за ужасы религиозного фронта большевиков совершенно невозможно, ибо еще Достоевский пророчествовал о том, что Россия способна во имя одной только дерзновенности расстреливать свои святыни. (...) Надо сказать, что в этих кругах вообще хорошо знают советскую литературу (Леонова, Gladkova, Эренбурга, Федина, Катаева) и поголовно увлекаются русской кинематографией. Эйзенштейн представляется самым настоящим гением и изумительный "Potemkin-film" – явлением вполне достаточным для оправдания стрельбы крейсера "Аврора" по Зимнему дворцу. Вообще левое советское искусство в очень большом почете»¹⁶. За год до смерти 2 мая 1964 г. Степун писал Т.С. Франк, снова настаивая на своем видении ситуации: «Очень грустно, что с изданием "Непостижимого" так ничего и не вышло. Я боюсь, что это связано с современным состоянием западноевропейской или, во всяком случае, с немецкой философией. Даже и духовным людям чуждо спокойствие, тишина, душевный мир и духовная твердь. Ищут парадоксального, взволнованного, отчаивающегося и, во всяком случае, по стилю нового. Чем и объясняется то, что вышли почти все книги Бердяева, но кроме "Трагедии философии" ни одной книги Булгакова. (Только статьи)»¹⁷.

Надо сказать, что Франка плохо знали и на родине. Когда в 1989 г. журнал *Вопросы философии* затеял огромную серию «Из истории отечественной философской мысли», то тексты, вошедшие в том впервые изданного в советские времена Франка были только в моей библиотеке. После невероятного (это слово здесь вполне уместно) усилия проф. Леонида Люкса, проф. Петера Элена и проф. Николауса Лобковица по организации перевода и издания восьми томов сочинений Франка ситуация изменилась. Я немного знаю, как трудно проходило это издание, поскольку готовил один из томов – *Свет во тьме*. Теперь Франка издают, проводят конференции, пишут о нем статьи, даже больше, чем об остальных русских философах. Хотя возникают свои казусы. Франк начинает казаться немецким философом. Я присутствовал в первом десятилетии этого века на одной из немецких конференций по Франку (кажется, в Майнце) и после доклада одного из аспирантов профессора Петера Эллена поинтересовался у докладчика, как может он рассматривать некую проблему вне контекста работ неких русских мыслителей. На что получил простодушный ответ, что эти тексты написаны порусски, а потому он и не счел необходимым их читать, поскольку русского языка

¹⁶ Степун Ф.А. Письмо из Германии (Формы немецкого советофильства) С. 880.

¹⁷ Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.

не знает. Оставляю этот случай без комментариев. Хотя уже Владимир Соловьев писал, что развитие русского философского языка есть свершившийся факт, писал (следом за Достоевском) о необходимости западным деятелям, соприкасающимся с Россией, знать русский язык. Хотя можно порадоваться, что хотя бы в переводах русская мысль завоевывает интеллектуальное пространство Европы. Объяснение сему факту двояко. Возможно, это связано с тем, что вместо сказок в русской мысли стали искать реальный анализ мира. Сочли, что Россия вошла в число «взрослых парней». А возможно, стали и тексты Франка читать, как нечто специфически русское, рассказывающее о специфике таинственной «русской души». Если последнее предположение верно, то это весьма грустно.

Франк трагичен, он не ложится в сему благополучного мировосприятия, а потому навсегда останется возмутителем духовного спокойствия, несмотря на свой академизм. И опора на Соловьева здесь показательна. Филипп Буббайер пишет: «Восхищение Франка Соловьевым неудивительно. Удивительно то, что Соловьев, по-видимому, не оказал на него прямого влияния. (...) Франк отрицает, что его мысль вдохновлялась Соловьевым»¹⁸. Об этом он заявляет в конце 1940-х годов. Но прямое влияние не всегда самое глубокое. Глубже то, что порой уходит в подпочву взглядов и даже не осознается как влияние, а осознается как свое. Франк называл философию Соловьева «религией Святого Духа». И Буббайер заключает: «Франк дает понять, что не был формально учеником Соловьева. Тем не менее их взгляды и по метафизическим, и по социальным вопросам разительно схожи, и выражение "религия Святого Духа" в применении к вере Франка в универсальность истины исключительно удачно определяет его собственную христианскую мысль»¹⁹.

И героический трагизм в неприятии мира сего поддерживался в творчестве Франка великим духовным примером – смелостью прямо взглянуть в лицо реальности, отказавшись от прежних упований, которую он находил у Соловьева. Прекрасно понимая отчасти благодушный прогрессизм Соловьева эпохи его теократической утопии, Франк более всего ценил его преобразование в ветхозаветного пророка: «Соловьев был в течение большей части своей жизни типическим человеком XIX века: он не только веровал в неуклонный прогресс человечества – он дал этой вере религиозную санкцию, отождествив прогресс с неодолимым космическим действием вошедшей в мир при Боговоплощении Христовой силы, с верховным метафизическим процессом обожения мира. От этой, вдохновляющей все его существо веры, он под конец жизни был пробужден каким-то наитием, подлинно аналогичным наитию ветхозаветных пророков. (...) В нем рушится и традиционная теократическая идея объединения, и христианизации мира под верховным руководством Церкви, и отождествление победоносной силы Христовой правды с внешним гуманитарным прогрессом. Отказавшись от этих идей,

¹⁸ Буббайер Филипп. С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877-1950. М., 2001. С. 241.

¹⁹ Там же. С. 242.

так долго соблазнявших его мысль, Соловьев отчетливо утверждает отныне в героической, эсхатологически определенной установке первохристианской веры. Христовой правде не суждена внешняя победа над миром, внешний успех в мире. Церковь Христова, подобно ее божественному Основателю, побеждает мир, только будучи гонима силами мира и претерпевая скорби. По самому своему существу, именно как духовная сила, противостоящая "князю мира сего", церковь Христова на земле воплощена в гонимом меньшинстве истинно верующих, в свободной совести которых звучит незаглушимый и неодолимый голос правды Христовой»²⁰.

Как быть в этом мире, обреченном власти князя мира сего? Где найти свет? Этим «светом», пришедшим в земную «тьму» и не загашенным земным мраком, был Иисус Христос. Конечно, многие считают, замечал Франк, что дело Христа постигла неудача, но «дело Христово абсолютно удалось, ибо его удача совсем не измеряется "удачей в мире" – Христос внес в мир вечный свет любви, который светит во тьме, и тьма не объяла его – Христос с самого начала знал, что этот свет не будет "иметь удачи" в мире, будет гоним, и *хотел*, чтобы он был гоним, потому что этот свет и светит только через страдание. (...) И мы должны быть с Ним именно как с вечно гонимым и в *гонении* торжествовать величайшую и абсолютную *победу над всем миром*»²¹. Так он писал неизвестному адресату, дорабатывая свою книгу *Свет во тьме*. В этом состоял пафос его грандиозного трактата.

Свою статью о Соловьеве Франк по сути дела завершает гениальным стихотворением Владимира Соловьева:

В незримой глубине сознания мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отторгнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.
«Ночь на Рождество»

Эсхатологический настрой Соловьева не исключал его веру в необходимость отстаивать на Земле Свет и Добро. Именно этот пафос и стал определяющим пафосом творчества Семена Франка.

²⁰ Франк С.Л. Духовное наследие Владимира Соловьева. С. 398.

²¹ Франк С.Л. О невозможности философии (Письмо к другу) // Он же. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 91.